

Белая ворона в правительстве Колчака

«Гуманный суд»

Суд над колчаковскими министрами имел политическое значение, готовился как «большой политический митинг» (определение председателя Сибревкома И.Н. Смирнова). Выбор пал на Омск.

Новые мастерские вагонного цеха на Атаманском хуторе обустроивали около трехсот военнопленных. Для доставки граждан из Омска на процесс и обратно были даже организованы специально рейсы поездов. Суд освещала газета «Советская Сибирь», итоги процесса публиковали «Известия ВЦИК», велась фото- и киносъемка, которую Ленин распорядился использовать «для самого широкого распространения». Есть свидетельство, что обвинитель Гойхбарг о ходе процесса докладывал непосредственно вождю.

Исход дела был предрешен. Одним из четырех к расстрельному «проценту» причислили Леонида Шумиловского. Биографические справочники сообщают, что Шумиловский с 1905 года был членом РСДРП – меньшевиком, общественным и государственным деятелем (министерский портфель и стал причиной его гибели). А еще он трудился на ниве просвещения, работал в газете. И случилось ему быть педагогом и журналистом не где-нибудь, а в Барнауле.

Упоминание о Леониде Ивановиче есть в «Журнале заседания собрания по выборам лиц административно-воспитательного персонала второй Барнаульской женской гимназии, учр. М.Ф. Будкевич». Из оного следует, что в сентябре 1918-го Л.И. Шумиловский был избран на пост председателя педагогического совета. Позже я нашла свидетельство Веры Ватман: «Шумиловскую Марию Леонидовну знаю с детства. Когда я училась в Барнаульской гимназии, ее отец Шумиловский (бывший колчаковский министр труда) был преподавателем в гимназии по истории». Не раз встречались сведения о дочерях Леонида Ивановича, учившихся в гимназии Будкевич, – Вере, Валентине и Татьяне. Гораздо позднее обнаружила в госархиве дело Марии Шумиловской.

Среди педагогов – первый

В какой уж раз посетую: воспоминаний о расстрелянном колчаковском министре сохранилось немного. Тем более ценны те крупницы, что удалось найти. Среди них – мемуары Аполлона Николаевича Зубковича. В них есть глава, которая называется «В реальном училище в Барнауле». Немало строк посвящено Леониду Ивановичу Шумиловскому. «В 1904 году в жизнь нашей молодежи врывается новый фактор. В реальном училище начинается брожение учащихся... Мы узнаем, что один из наших преподавателей – историк Шумиловский Леонид Иванович тоже социал-демократ; эта новость сообщалась тогда под большим секретом. В наших глазах он был герой. Его авторитет среди учащихся быстро начал расти. Большой честью каждый считал

прогуляться с ним в переменку по коридору. В беседах с ним часто участвовала целая толпа ребят».

Г.М. Пушкарев в повести «Виденное. Пережитое. Воспоминания» (хранится в фонде Л.М. Остертаг в краевом архиве) пишет: «В реальном училище постоянный кружок старшекласников и гимназисток вел преподаватель истории Л.И. Шумиловский – социал-демократ, меньшевик, пользующийся среди учащихся авторитетом и любовью. Помимо кружковой работы он составлял списки для чтения реалистам и гимназистам, проводил в классах интересные беседы по истории, охотно встречался со старшекласниками, помогая им разбираться в вопросах политэкономии, марксизма вообще. Старшекласники в реальном училище под его руководством читали Чернышевского, Писарева, других». Также Пушкарев вспоминает, что и на квартире Л.И. Шумиловского систематически собирался кружок реалистов и гимназисток старших классов по изучению политической экономии, истории революционного движения.

«Шумиловский, как меньшевик, старался избегать на занятиях кружка острых углов, – отмечает Пушкарев, – сдерживал тех, которые, казалось ему, клонились в сторону большевиков». Именно поэтому, делает автор вывод, часть реалистов отошла от него, «...но часть крепко держалась возле него, – пишет Пушкарев. – И эта часть позднее сыграла известную роль в период колчаковщины в Сибири. Так, ученик Шумиловского Н.И. Петров был министром сельского хозяйства при Колчаке, Н.К.Федосеев – секретарем административного совета Колчака». Подпись секретаря административного совета Н. Федосеева я встречала в документах Временного Сибирского правительства. Н.И. Петров, выпускник Барнаульского реального училища, окончивший экономическое отделение Санкт-Петербургского политехнического института, был министром земледелия в правительстве А.В. Колчака.

Весьма категоричный порой в своих оценках Адриан Митрофанович Топоров (сказывалось воспитание народовольца Леонида Петровича Ешина) о Шумиловском был высокого мнения. В своих воспоминаниях он писал: «Выдающихся педагогов дореволюционный Барнаул дал немного. Первым из них надо назвать историка реального училища Леонида Ивановича Шумиловского. Помимо преподавания он занимался публицистикой, писал отличные статьи, выступал с лекциями, участвовал в литературных судах и диспутах. В разгар Гражданской войны он каким-то образом влип в правительство Колчака с портфелем министра труда и, конечно, бесславно кончил». Не соглашусь с замечательным просветителем: «вляпавшийся во власть» Шумиловский и на посту министра труда служил тому, во что верил. Он сделал немало доброго для облегчения участи трудящихся Сибири.

Г.К. Гинс, бывший при Колчаке товарищем министра иностранных дел и товарищем министра народного просвещения, управляющим делами Совета Министров и Канцелярии Верховного правителя свидетельствовал: «В числе первых законодательных его актов были большие и сложные постановления о больничных кассах и о биржах труда. Оба эти закона были составлены в благоприятном для рабочих духе... Министерство труда принимало деятельное участие в разработке вопроса о сдельных платах и о методах определения прожиточного минимума для обеспечения рабочим достаточного заработка... Инспекторам труда было поручено наблюдать за правильным и свободным развитием профессионального рабочего движения».

Увы, должного понимания Шумиловский не встречал. У Гинса читаем: «Новый симптом разложения власти. Министр труда подает в отставку по принципиальным основаниям. В своем прошении об отставке он указывает, что его программа встречается в составе Совета

равнодушие, а на местах – противодействие, что инспекторы труда не пользуются авторитетом в глазах военных и что он бессилён что-либо сделать...» Подавал в отставку Шумиловский не раз...

Автобиография

Сведения о биографии Шумиловского, найденные в различных источниках, противоречивы. Поэтому очень интересны полученные из Госархива РФ три странички машинописного текста под названием «Биография министра труда Леонида Ивановича Шумиловского» (в описи ГА РФ числится как «автобиография»).

«Родился 30/1 – 1876 г. в гор. Омске в педагогической семье. По окончании курса в Омской Классической гимназии поступил в 1894 г. в Московский Университет, который и окончил по историческому отделению – Историко-филологического факультета в 1898 г. В 1900 г. поступил преподавателем истории и русского языка в Барнаульское реальное училище и Барнаульскую женскую гимназию.

Сгущенная политическая атмосфера конца 1906 г. вызвала со стороны Окружного Учебного Начальства под давлением Томского Военного Генерал-Губернатора требование о подаче прошения об отставке. Считая такое требование актом незакономерным, ему не подчинился и был потому отстранен с I/IV – 1907 г. от педагогической службы без прошения.

Участие в выборах во 2-ую Государственную Думу, в которых выступал кандидатом и был выбран выборщиком от блока демократических групп гор. Барнаула и выступление на Губернском Съезде выборщиков в Мае 1907 г. в гор. Томске повлекли за собой высылку из пределов Томской губернии с запрещением для жительства почти всех (так в тексте. – Прим. авт.) важнейших районов Сибири и многих крупных городов Европейской России. Найдя приют в Петрограде, поступил в Августе 1907 г. преподавателем в одну из частных Гимназий, но уже в марте 1908 г. должен был покинуть эту должность вследствие неутверждения в ней градоначальником.

Зимний учебный сезон 1908-1909 гг. и осенний семестр 1910 г. провел слушателем только что организовавшейся тогда в Петрограде под руководством А.П. Нечаева и М.М. Ковалевского Педагогической Академии – новый тип и впервые в России введенный педагогического учено-учебного заведения, – но научные занятия в ней преждевременно за несколько месяцев до окончания курса были прерваны административной высылкой из Петрограда. Последующие годы были посвящены частной педагогической деятельности, разработке учебников и редактированию издающихся в гор. Барнауле газет.

Из учебников составлены были две части – «Руководство к самостоятельному составлению ученических сочинений» и «Курс правописания»... Первое руководство выдержало два издания, выпуск третьего издания был задержан войной. Вторым учебник подготовлен был ко второму изданию, но в выпуске произошла задержка по тем же причинам. Одновременно собирался материал для Сибирской Хрестоматии. Большая часть работ была завершена, но окончить их не удалось вследствие призыва в 1916 г. на военную службу и привлечения в 1918 г. в состав Сибирского, а потом Российского Правительства.

С 1911 г. редактировал, сначала только фактически, а потом и официально, беспартийную газету «Жизнь Алтая», в которой помещал ряд статей на политические, экономические, социальные и литературные темы. В 1916 г. был от с-д. меньшевиков и примкнувших к ним демократических групп избран выборщиком для выборов в 4-ую Государственную Думу и прибыл уже в Томск на губернское избирательное собрание... но накануне официального избрания грубым служебным подлогом администрации был лишен полномочий выборщика...

В начале 1916 г. был призван на военную службу, каковую отбывал сначала нижним чином, потом чиновником военного времени в должности Командира I-го взвода 328 транспорта. Во время выборов в Учредительное Собрание был намечен первым кандидатом по списку тех же организаций всего Румынского фронта. Избирательная компания окончилась победой с-р. или большевиков. Одновременно был выставлен первым кандидатом по списку с-д. оборонцов в Алтайской губ., но и здесь победу одержали с-р.

После распада армий Румынского фронта... пробрался через большевистский Украинский фронт в Сибирь и поселился в гор. Барнауле, где занял должность преподавателя истории, словесности и русского языка в реальном училище и принял на себя звание Председателя Педагогического Совета 2-ой женской гимназии. Одновременно состоял членом редакционного коллектива оборонческой газеты «Алтайский луч».

В Барнауле в это время властвовали большевики, которые сначала возбудили против газеты дело в революционном трибунале, а вскоре и совершенно закрыли ее. Борьба учительского общества с большевиками и нежелание его признать их власть вызвали репрессии против всего учительского персонала и в первую очередь – против преподавателей средней школы. В мае месяце все они были смещены со своих должностей с запрещением выдачи жалованья даже за прослуженное время.

После освобождения гор. Барнаула 15-го июня 1918 г. чехословаками и отрядами Сибирской армии был вызван в Омск и включен в состав Правительства.

В настоящее время ни в какой политической организации не состою, оставаясь внепартийным социалистом...» (Здесь и далее стиль, орфография документов сохранены. - Прим. авт.)

Елизавета Васильевна Шумиловская – супруга Леонида Ивановича – тоже была педагогом. Из «Памятных книжек Томской губернии» я узнала, что работала она учительницей в гимназии Будкевич и в «18-м приходском для обоого пола училище». Её внучка Светлана Хлыстова сообщила, что из четырёх сестёр Шумиловских почему-то «наказана» за фамилию была только одна Мария Леонидовна и случилось это именно в Барнауле в 1931 году. Вот цитата из её дела: «Арестована 16 апреля 1931 года. Осуждена 16 мая 1931 года особой Тройкой ПП ОГПУ к трем годам концлагеря за злостную контрреволюционную агитацию о неумении коммунистов строить Советское государство, и что Советская власть держится на расстрелах, арестах, провокаторах и ссылках». Постановлением Особого Совещания при МГБ СССР от 6 декабря 1947 года М.Л. Шумиловской в снятии судимости было отказано, проживать же в Барнауле разрешили. Реабилитировали ее лишь в сентябре 1992-го.

Последнее слово

Расстреляли Леонида Шумиловского в городе, в котором он родился – в Омске. Тогда, в 1920-м, еще можно было открыто выступить на суде. И жертву еще защищал адвокат, и сама жертва имела право на последнее слово. Говорил, похоже, Леонид Иванович не один час, потому процитирую отрывки его речи «тематическими блоками».

«Аполитичный человек»

– Я по своей природе и по своим врожденным склонностям человек мало политический... Тем не менее, несмотря на свои природные склонности, я всю свою жизнь провел в политической деятельности. Я – аполитичный человек, я – культурник, принимаю участие в выборах в Государственную думу и два раза состою выборщиком в наиболее тяжкие времена реакции в 1907 и 1912 гг. И не попадаю в думу только благодаря тому, что администрация путем разъяснения загораживает мне путь. Я, который с большим удовольствием сидел за учительским столом и поучал молодежь с учительской кафедры, становлюсь журналистом и редактирую «Жизнь Алтая». Затем попадаю на румынский фронт, где работаю в комитете румынской армии. После того как я вернулся с фронта, я редактирую «Алтайский луч», я принимаю приглашение выставить свою кандидатуру от г. Барнаула в Учредительное собрание. Причем меня выдвигали представители девяти партий и список от партии меньшевиков.

Министр труда

– Одним из первых законов, проведенных мною, был закон о биржах труда, задача которых состоит в борьбе с безработицей... Следующий крупный закон – это закон 8 января 1919 г. о больничных кассах... Благодаря этим больничным кассам сохранены, быть может, тысячи жизней. В то время, когда страна переживала экономическую разруху, когда санитарная часть была совершенно уничтожена, когда трудно было достать самые необходимые предметы для лечения, в это время больничные кассы работали, обеспечивая нуждающихся всеми этими предметами, и выдавали заболевшим пособия. И я думаю, что потом, когда минует острота борьбы, многие, вспоминая пережитое лихолетье, быть может, за спасенные жизни их и их детей вспомнят меня добрым словом...

Мы вместе с Гудковым издали циркуляр относительно сохранения 8-часового рабочего дня, и 8-часовой рабочий день фактически в пределах Сибири не нарушался...

Конкретные факты

– Рабочие Келлеровских рудников получали никуда не годный хлеб с полынью. Они начали волноваться, стали заявлять протесты... Собрал все необходимые сведения, опять-таки сделал доклад Колчаку, повторил этот доклад несколько раз и в конце концов добился того, что под угрозой отобрания копей в казну рабочие были снабжены доброкачественными пищевыми материалами...

Везде по моему указанию работали инспектора труда. Везде создавались комиссии из представителей рабочих и предпринимателей иногда под отдельным видом промышленности, иногда по типу заводских совещаний. И там разрабатывались тарифы и ставки. Наиболее подробно, наиболее полно эти ставки были разработаны в г. Барнауле, и в результате этой работы министерства, и в особенности инспекторов труда, на которых пала вся живая длительная работа, стал замечаться и процесс, который был чрезвычайно знаменательный для переживаемой эпохи: за всю революцию заработная

плата неудержимо стремилась книзу, по моим же обследованиям, касающимся трех наиболее характерных категорий труда – чернорабочих, плотников и слесарей, с сентября месяца 1919 г. реальная величина заработной платы стала возрастать...

Вокруг Колчака тоже действовала какая-то камарилья. Он тоже был окружен стеною шептунов. И вот во время одного из моих докладов он совершенно неожиданно мне заявляет, что он закроет все профсоюзы Сибири, уничтожит их органы, журнал «Наш путь» и над всем этим делом поставит крест. Я ответил на это решительным протестом и заявил ему, что закон 12 апреля 1917 г. такого отношения не допускает.

Я восстановил фактически умершие фабрично-заводские комитеты, на которые смотрели отрицательно, подозрительно, как на наследство, оставшееся от большевиков... Я приложил также усилия к тому, чтобы разрешены были съезды профсоюзов...

«Мужество остаться»

– Может быть, я все-таки имел не малодушие, а мужество остаться на этом посту и выполнять свой долг так же честно, как выполнял его все двадцать лет, предшествующие этой злосчастной эпохее 1918-1919 гг.

Я говорю главным образом для истории, и здесь мои слова выслушивает не только эта аудитория, здесь незримо слушают история и грядущее поколение. Они, эта история и это поколение, окончательно разберутся в нашем споре. Мы не в состоянии судить друг друга с полным беспристрастием. Мы слишком ослеплены борьбой: и те, кто является победителями, и те, кто ударом низвержен на землю...

* * *

Защитники приговоренных к расстрелу Шумиловского, Червен-Водали, Клафтона и Ларионова подавали ходатайство о помиловании во ВЦИК. О Шумиловском в нём говорилось: «...никакого влияния в направлении политики правительства не имел. Заправилами колчаковщины высмеивался, реакционной печатью подвергался нападкам. Все время в Совете Министров был оппозицией, протестовал против смертной казни, режима расстрелов, насилий». Приговоренные также обращались по прямому проводу к Ленину, Калинину, Троцкому, Свердлову, Цюрупе с просьбой о смягчении приговора.

Расстреляли всех четверых в ночь с 22 на 23 июня 1920 года.

Признаюсь: хоть и не раз я работала над «расстрельными» делами, а привыкнуть ко сну разума, рождающему чудовищ, не могу. Но перипетиям судеб уже не удивляюсь... Потому и не сразу, через месяцы после начала работы над темой, увидела символизм в свершившемся: в молодом государстве рабочих и крестьян расстреляли министра... труда!

* * *

Я не очень-то надеялась найти потомков Л.И. Шумиловского: дочери, выходя замуж, меняли фамилию. Но не прошло и года, как случилось чудо – удалось найти трех внуков Леонида Ивановича! Это были дочери Веры –Татьяна и Светлана и дочь Татьяны – Майя.

Уже зная, что в семье не сохранилось фотографий Шумиловского, встретившись с Майей Михайловной Пирожковой, первым делом разложила веером на столе найденные снимки.

– А это кто? – спросила она, разглядывая портрет.

– Ваш дедушка!

– Дедушка? С усами? На портрете, который долго хранился у Марии, он с бородкой...

Майя Михайловна рассказала о судьбе родных Шумиловского:

– Когда стало ясно, что большевики побеждают, дедушка бабушке с кем-то передал, чтобы они ехали из Барнаула к Красноярску. Елизавета Васильевна с тремя дочерьми поехала, а маму мою с обозом послала, с вещами. А возница-то маму бросил и с вещами уехал. Бабушка с девочками добралась до Красноярска и там узнала об аресте дедушки. Мою же маму спас красный командир, он ее подобрал и отправил к своей матери в Новосибирск. Мама у нее жила какое-то время, потом эта женщина отправила девочку в Барнаул к дедушкиным друзьям. Знаю, что Елизавета Васильевна ездила на суд в Омск. Как она рассказывала, дедушка на суде выступил в защиту Колчака.

Елизавета Васильевна с дочерьми вернулись в Барнаул, у них ни жилья, ни вещей не было, в частных каких-то маленьких комнатухах жили, с места на место переезжали. Пропали и библиотека, и архив. Я помню, что кипы бумаг были. Заведующая краевой библиотекой разрешила нам во время войны жить в бывшем книгохранилище, в полуподвальном помещении, холодном-прехолодном. Мы и «жили» вокруг печки там все время. Я после этого всегда боялась холода...

Моя мама окончила педучилище, работала в Чистюньке, там и я родилась. Родители разошлись, мама вскоре вышла замуж за поляка Винча, он меня удочерил. Двух братьев Винч и жену одного, Женю, арестовали в 1937-м. Женю скоро выпустили, но сына их к этому времени уже не стало – Эдика определили в детдом, он там от тоски умер. Мама боялась, что и ее арестуют, поэтому отправила меня в Новокузнецк к своей сестре Валентине, я там год жила. У тети Вали был очень известный муж – врач Афанасьев, он лечил членов правительства, и ее не коснулись репрессии. Маму тоже тогда не тронули, даже из школы не уволили.

– Ваша бабушка разделяла политические взгляды мужа?

– Она не была революционеркой, ведь растила четырех дочерей, да были еще и мальчики. Они умерли, а девчонки живучие оказались, все прожили до 80 лет и дольше. А бабушка-то в шестьдесят с небольшим умерла, в начале войны. Мария замуж не вышла, она все время жила с кем-нибудь из сестер. Моя мама говорила, что Маруся из-за своего языка пострадала – любила правду, критиковала порядки.

Я жалею, что как следует ни о чем родных не расспрашивала. Только между делом о чем-то говорили, – вздыхает моя собеседница.

И еще она сожалеет, что некому передать сейчас фамилию Шумиловского. Сын Валентины, Владимир, умер. Сыновья-близнецы Светланы носят фамилию своего отца, дети Татьяна – своего...